

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поразительно все-таки, как умело книги живут своей жизнью. Писатели думают, что знают свое дело, когда усаживаются работать над новым произведением; полагаю, это так и есть, но вплоть до того момента, когда в последнем предложении ставится последний знак препинания. Чаще всего это точка. А уместнее был бы знак вопроса; ведь как все пойдет дальше — сплошная загадка.

Классический пример — автор, выход лучшей книги которого *оборачивается провалом*. Вспомните Германа Мелвилла или Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Наверняка Мелвилл рассуждал как-то так: после огромного читательского успеха первых романов повествование о бешеной погоне за белым китом станет сенсацией в полном смысле этого слова. А этого не случилось. Такая же участь постигла повествование Фицджеральда о романтическом мечтателе и его попытках переписать свое прошлое. «Великий Гэтсби» настолько тоньше его более ранней прозы, настолько глубже проникает в человеческую натуру и свой исторический момент, что просто непостижимо, как и почему огромная аудитория отвернулась от своего любимого автора. А с другой стороны, может быть, и отвернулась именно поэтому. Кажется, будто, описывая грядущую катастрофу, автор был излишне мрачен — но это пока беда не разразилась. Современник

Фицджеральда Томас Стернз Элиот заметил: человек не в силах вынести избытка реальности. Как бы там ни было, Фицджеральд прожил достаточно, чтобы дожидаться, пока весь тираж его книг будет распродан, и не дожидаться авторских отчислений за них. Только следующему поколению стало ясно, что «Гэтсби» подлинно, по-настоящему велик, а «Моби Дика» признали шедевром и вообще через три или четыре поколения.

Да, конечно, случается, что книга становится бестселлером неожиданно-негаданно и на много-много лет; бывает и наоборот: миг успеха, краткий, как вспышка масла на сковороде, и потом полное забвение, исчезновение без следа. Но нам интереснее истории, подобные Моби-Гэтсби. Хотите знать, что думает мир об авторе и его творении? Давайте проверим это лет так через двести.

Не все опубликованные книги ожидает такая суровая судьба. Все мы надеемся обрести свою аудиторию — любую аудиторию — и, как нам кажется, более-менее представляем себе, какой она будет. Иногда мы угадываем верно, иногда попадаем «в молоко». Перед вами своего рода исповедь.

Привычные благодарности и признания, как правило, помещают в конец книги. Я, однако, именно здесь хочу воздать должное тем, чья помощь была, без преувеличения, огромной. Честное слово, без них это переиздание никогда бы не состоялось. Лет десять тому назад, работая над первым изданием, я довольно хорошо представлял себе, для кого пишу. Студентка, лет тридцати семи; возможно, разведенная; возможно, медсестра по профессии, вынужденная переучиваться, потому что в ее профессии изменились правила лицензирования. Перед ней встала необходимость получить диплом бакалавра, и, прислушавшись на сей раз к голосу сердца, она поступила на факультет английского языка и литературы. Она всегда была вдумчивой читательницей, но понимала, что в восприятии литературы ей чего-то недостает, что здесь есть какой-то секрет, который ее учителя знали, но не передали ей.

Думаете, шучу? Нисколько. Преподавая в филиале одного знаменитого университета, я встречаюсь с ней, или с ее мужским

эквивалентом, молодым человеком (а иногда и женщиной), только вчера стоявшим у конвейера на заводе General Motors, снова и снова. И снова. Университет Мичиган — Флинт дает преподавателю прекрасную возможность, которой нет в Мичиганском университете: постоянный контакт со взрослыми студентами, многих из которых буквально снедает жажда знания. Немало у меня типичных студентов колледжа, но встречались и нетипичные, у которых кое-чему научился уже я сам.

Во-первых, нельзя делать скоропалительных выводов, исходя из жизненного опыта человека. У меня были студенты, прочитавшие всего Джойса, или всего Фолкнера, или всего Хемингуэя; один прочитал произведений чешских авторов больше, чем я надеялся хотя бы пролистать; а были и такие, кто не читал почти никого, кроме Стивена Кинга или Даниэлы Стил. Встречались и фанатики Хичкока, и почитатели Бергмана и Феллини, и те, для кого сериал «Даллас» был образчиком высокого искусства. И никогда не угадаешь, с кем имеешь дело.

Во-вторых, объясняйтесь. Люди постарше желают понять, как сделано то или другое, и, бывает, гораздо прямее, чем их более молодые однокурсники, озвучивают свое желание. Кто-то считает меня первосвященником, кто-то — первостатейным шарлатаном, но все хотят знать секрет того, как я прихожу к своим подчас весьма эксцентричным выводам.

В-третьих, научите основным принципам и отойдите. Раз показав старшим студентам, как я работаю с текстами, я уйду с дороги. Не то чтобы мой метод или мои занятия творили чудеса; чаще всего я нахожу в их манере чтения нечто такое, что позволяет «отпустить поводья», и дальше они двигаются уже сами. То же самое происходит и с более молодыми студентами, хотя они, как правило, не столь резвы: ведь пока еще почти вся их жизнь проходит в стенах аудиторий. Чтобы сделаться интеллектуально самостоятельным, уединенных занятий мало.

Так что же, все без исключения взрослые студенты — гении? Да нет, разве что совсем немногие. Не всех назовешь и учеными

сухарями, хотя и таких немало, — вы и сами знаете, что кличка «профессор» прилипает к тем, кто и за обедом не расстаётся с книгой. Те, у кого семь пядей во лбу, подталкивают меня вперед и учат — точно так же, как и я их. Вот я и подумал: должны же быть на белом свете и другие такие же. Вот для таких других я и написал эту книгу.

Ох как я оказался неправ! И в то же время прав. От множества ярых любителей чтения — гениев и сухарей из предыдущего абзаца или тех, кто в колледже специализировался на английском языке и литературе, — я слышал, что им как будто чего-то недоставало, что какой-то самый главный элемент изучения литературного произведения так и остался для них тайной за семью печатями. Иногда мне приходили электронные письма от таких читателей. Но года через два их содержание изменилось. Мне стали писать преподаватели английского языка и литературы. Не то чтобы часто, но время от времени. А потом, где-то через полгода, пошли письма от школьников старших классов¹. Преподаватели, все как один, не скупились на похвалы, большинство старшекласников тоже. Правда, хватало и едких критических посланий, а значит, я работал не напрасно. Одна старшеклассница, в одном из самых цензурных писем, выразилась так: «Не понимаю, из-за чего такой хайп. Я все это проходила еще в девятом классе». Я тогда ответил, что искренне хочу пожать руку тому учителю, который преподавал у нее в девятом классе. Без всяких вознаграждений. Примерно тогда же я краем уха слышал, что мою книгу будто бы обсуждали на сайте преподавателей английского языка с углубленным изучением предмета.

В последние годы я имею счастье общаться с преподавателями и студентами из самых разных мест нашей страны. Мне приходится отвечать на самые разные вопросы, от «Что вы хотели этим сказать?» и «Могу ли я применить это понятие к той книге,

¹ По большей части данная книга адресована читателю старше 18 лет. — *Здесь и далее примеч. ред.*

которую вы здесь не обсуждали?» до «Не могли бы вы просмотреть автореферат моей диссертации?» (а то и всю работу). Первые два просто великолепны, про последний я этого не сказал бы, потому что он ставит меня в щекотливое положение с точки зрения этики. Но при всем том мне льстит, что студенты не боятся задавать такие вопросы совершенно незнакомому человеку.

Хватало и прямого взаимодействия. Несколько раз в год я входил в учебный класс и начинал разговор о своей книге и о том, как ею пользуются. Такие встречи всегда приносят большую радость и почти всегда — один-два отличных вопроса. Понятно, они очень зависят от расстояния, которое за несколько часов может проехать моя машина, хотя, было дело, однажды я добрался аж до города Форт-Томас, расположенного в штате Кентукки. Чудеса цифрового века позволили мне общаться со студентами при помощи электроники. Диана Бэрроуз, королева маркетинга в издательстве HarperCollins, не спит ночами, изобретая все более продвинутые способы «телепортировать» меня (или, по крайней мере, мою цифровую версию) в классы от Нью-Джерси и Вирджинии до Флагстаффа в штате Аризона. И конечно, совершенно обычным делом становятся наши встречи по скайпу.

В годы, последовавшие за выходом книги, больше всего меня удивила безграничная изобретательность школьных преподавателей английского языка и литературы в целом и преподавателей этих предметов на продвинутом уровне в частности. Даже преподавая тысячу лет, я все равно не додумался бы до тех способов, какими они используют мою книгу. Так, в одном классе каждый ученик получает в свое распоряжение главу; допустим, Сэму достается глава о дожде и снеге, он готовит плакат с ее тезисами, и, как только в произведении заходит речь об атмосферных осадках, Сэм готов объяснить, для чего они здесь. Подозреваю, что Сэму крупно не повезло и поработать ему придется куда больше, чем всем остальным, но, может быть, ему это нравится. В другом классе ученики объединяются в группы для съемок коротеньких фильмов, каждый из которых должен раскрыть по

крайней мере одно понятие из книги. В конце года проводится церемония вручения шуточных «Оскаров», со смокингами и статуэтками (как мне сказали, их с успехом заменяют старые спортивные кубки). Это просто грандиозно. И во всех этих вариантах больше всего мне по душе огромная степень самостоятельности. Подозреваю, что книга привлекает тем, что, в отличие от учебника, не имеет строгой структуры, а это значит, учителя могут пользоваться ею как им заблагорассудится — что они с успехом и делают. А дальше все идет по цепочке: преподаватели заражают духом открытости своих учеников, и они начинают творчески относиться и к тексту, и к своим наблюдениям над ним.

Значит, поэтому книга так популярна у преподавателей? Не знаю. Я несказанно удивился, узнав, как ее приспособливают для обучения, и тут же подумал: ведь в ней нет ничего привычно-академического (типа примечаний, глоссариев, вопросов в конце глав, которые, кстати сказать, я всегда терпеть не мог), зато есть довольно рыхлая структура. Я сгруппировал обсуждения так, как мне казалось правильным, но ведь это не то же самое, что пользоваться книгой в классе. Честное слово, я вовсе не уверен, что в классе она будет хоть чем-то полезна, ведь сам я никогда не использовал и не буду использовать ее в своем курсе. Каково признание? Но поступаю я так вовсе не из-за ложной скромности. Причина куда более рациональна. Книга содержит почти все мои размышления и наблюдения о литературе и все мои шутки. Если бы я выложил все, что знаю, мне больше нечего было бы делать. А ведь цель образования, по-моему, состоит в том, чтобы подвести студентов к тому моменту, когда вы становитесь им не нужны — по сути дела, лишаете себя работы... правда, такой выход на заслуженный отдых происходил бы куда стремительнее, чем мне хотелось бы.

Итак, прослышав, что мою книгу учителя рекомендуют для летнего чтения, я немало удивился. То, что она пригодилась в старших классах, доказывает изобретательность и смекалку преподавателей английского языка и литературы. Они работают в то время, в которое, как нас уверяют, никто больше не

читает, но все же умудряются привить своим ученикам любовь к чтению. Они невероятные труженики и, бывает, работают со 150 учениками одновременно — от одной этой цифры у большинства университетских профессоров головы пойдут кругом. Их не превозносят до небес, им платят ничтожно мало за такую труднейшую работу. Один из моих коллег, большой остроумец, заметив, как часто я встречаюсь со старшеклассниками, говорит, что я без труда найду себе место в любой школе Америки. Ясное дело, он неправ. Где мне тягаться с теми, кто там уже работает!

Тех преподавателей, которым первое издание этой книги обязано своим успехом, я благодарю от всей души. Сам факт публикации этой книги, не говоря уже о появлении второго, дополненного и исправленного, издания, — ваших рук дело. Не могу сказать «спасибо» каждому в отдельности, но хотел бы поблагодарить нескольких выдающихся представителей преподавательского племени: Джойс Хенер (сейчас на заслуженном отдыхе) из школы города Окемос (Мичиган), за дискуссии, которые подчас затягивались до позднего вечера и случались в самых неожиданных местах, к примеру на вечеринке бейсбольной команды, а также за то, что она первой из мичиганских учителей оказала мне горячий прием; Эми Андерсон и Билл Спрют из школы города Лапир (Мичиган); Стейси Турчин из католической школы Пауэрс города Флинт; Джини Возни из академии Редвудс (Юрика, Калифорния); и они, и их ученики поделились со мной советами и предложениями для нового издания книги. За несколько лет буквально десятки человек обратились ко мне лично или по электронной почте, и каждому из них я говорю огромное-огромное спасибо. То, что делаете вы, куда важнее любой книги.

Изменения в этом новом издании незначительны по объему, но, надеюсь, существенны по смыслу. Самым же важным моим бдительному оку представляется то, что я сумел устранить или исправить две-три вопиющие ошибки. Не ждите, я не скажу вам, где они были. Ладно, какое-то время я с ними прожил, но теперь вовсе не собираюсь трубить о своем легкомыслии. Кроме того,

пришлось кое-что подрихтовать в грамматике и правописании — устранить ненужные повторы слов или фраз, заменить неудачно выбранные, в общем, избавиться от всех тех раздражающих мелочей, которые очень затрудняют чтение собственной работы и заставляют ворчать на самого себя: «Не мог, что ли, получше написать?» Кое-что изменилось и в содержании. Главе о форме сонета было суждено покинуть книгу. И понятно почему: ведь речь в этой главе идет о форме и структуре, тогда как большая часть книги посвящена переносным значениям, тому, как смысл отражается от поверхности объекта, действия, события и переходит на что-то другое, на другой уровень. Если вам, как и мне, эта глава нравилась, то не опасайтесь за нее. Я планирую поговорить о поэзии, вполне возможно, сделаю это в формате цифровой книги, поэтому года через два глава о сонете восстанет из небытия. Главы о недугах, сердце и прочем были сокращены и объединены; иначе казалось бы, что в этом месте текст сильно растянут.

На место этих глав я поставил новую, об искусстве создания образа и о том, почему приятельствовать с главным героем вредно для здоровья вторых скрипок. Добавлены рассуждения о публичных и частных символах. Одно из центральных положений моей книги состоит в том, что существует некая всеобщая система образности, что сила образов и символов заключается в повторениях и переосмыслениях. Однако вполне естественно, что писатели без устали изобретают новые метафоры и символы, которые или проходят через все произведение, или появляются лишь однажды. В любом случае нам нужна стратегия взаимодействия с этими загадочными явлениями, так что мне не остается ничего другого, как изобрести ее.

В качестве первого шага по направлению к уверенному владению анализом я включил в книгу размышления о том, как поставить себе на службу свой собственный читательский опыт, а также о важной роли читателя в создании смысла литературного произведения. Не перестаю удивляться, что, даже активно

читая, студенты, да и вообще читающая публика остаются весьма пассивными в том, что касается работы с текстами, пропускания их через себя. Давно пора задать себе такую работу.

Конечно, литература есть движущаяся мишень, и за десятилетие с того момента, как я выпустил свою книгу, появилась не одна тысяча новых произведений. Нет никакой нужды пересматривать ссылки и цитаты в каждом новом издании, однако я освежил их, добавив несколько примеров из произведений, вышедших в последние годы. Как раз это время отмечено громадными достижениями в поэзии, художественной и нехудожественной литературе, и с этим согласятся даже те из нас, кто совсем не очарован вампирами-подростками или варварскими переделками романов Джейн Остин, вроде какого-нибудь «Как жена троюродного брата мистера Дарси пострадала от заусениц». В противовес же всему этому появились талантливые новые имена и книги маститых авторов, работающих в самых разных жанрах: Зэди Смит, Моника Али, Джесс Уолтер, Колум Маккэнн, Колм Тойбин, Маргарет Этвуд, Томас Пинчон, Эмма Донохью, Ллойд Джонс, Адам Фуллдз, Орхан Памук, Теа Обрехт, Одри Ниффенегер. И это только в области художественной литературы. Случались поразительные открытия, были болезненные потери. Иногда мы слышим о смерти литературы того или другого жанра (почему-то чаще всего «мальчиком для битья» назначают роман), но литература не умирает, равно как не переживает взлет или падение. Она растет, она расширяется. Когда нам кажется, будто она застыла на месте, это всего лишь значит, что мы невнимательно смотрим. Нерасказанная история жизни жены знаменитого писателя, цветные иммигранты в стремительно меняющейся Британии или Америке, мальчик и тигр в спасательной шлюпке, тигр в балканской деревне, человек, идущий по канату, натянутому между башнями-близнецами, — не иссякает поток новых историй и старых историй с новыми поворотами. Да таких, что утром хочется побыстрее проснуться только для того, чтобы узнать: а что там дальше?

Раз уж пришлось к слову, хочу от всей души поблагодарить критически важную группу людей. Каждая встреча со студентами становится для меня источником вдохновения. Естественно, что, преподавая, я имею дело и с младшими, и со старшими курсами, и частые встречи с ними всегда очень плодотворны, интересны, вызывают чувство досады, поднимают дух, разочаровывают, а иногда становятся истинным чудом. Специалисты по английской литературе составляют большинство в этой группе, но благодаря чудесам образовательных стандартов я много контактирую со специалистами в других областях (причем биологи у меня в особом фаворе), и всегда они приносят с собой разные навыки, разные отношения, разные вопросы. Они не позволяют мне расслабляться.

Вот уже лет десять я встречаюсь с учениками старших классов школ, и это такой опыт, которого я желал бы всем, — ведь это не просто выпускники, а потенциально будущие студенты. О них пишут и говорят очень много, и чаще всего недоброжелательно: мол, и не читают они, и писать не умеют, на окружающий мир им наплевать, о политике, истории или науке понятия не имеют, и так далее, и тому подобное. Другими словами, все то же самое, что говорили о подростках, когда я и сам был подростком. И еще раньше. Не сомневаюсь, что когда-нибудь мы выкопаем из земли глиняную табличку или папирусный свиток и прочтем то же самое. Уверен, что кое-что здесь верно, кое-что здесь всегда было верно. Но вот что о старшекласниках я понял сам, из личного общения и электронной переписки. Они вдумчивы, интересуются многим и интересны сами, любознательны, непокорны, устремлены в будущее, активны, целеустремленны, трудолюбивы. Когда нужно выбирать, многие отдают предпочтение большим нагрузкам и серьезным требованиям, хотя можно довольствоваться и чем-то полегче. Они любят книгу. Многие читают — а некоторые прямо-таки глотают — то, чего нет в школьной программе. Им послушно письменное слово. Немало таких, которые хотят писать профессионально. Они слышат,

что писательством на жизнь вряд ли заработаешь, а может, даже сильно ее себе усложнишь, но все же стремятся стать писателями. Я это хорошо знаю по всем вопросам, которые получаю, и по беседам, которые мы с ними ведем. И, пока будут молодые люди, которым интересны язык, рассказ, поэзия, литературное творчество, будет существовать и литература. Она может перейти в царство цифры, может вернуться к рукописным манускриптам, может обратиться в комиксы или появиться на экране, но ее не перестанут создавать. И читать.

Пару лет назад я побывал в городе Гранд-Рапидс. Ученики местных школ пришли на встречу, чтобы я подписал им книгу. Не ту, которая только что вышла из печати, а ту, которую они читали в предыдущем, десятом, классе. Вот эту самую книгу. Если кто-то не понял: дело было после учебного года. Они пришли, потому что любили уроки литературы, а это значит, любили учителя, который сумел увлечь их своим предметом, а еще потому, что книгу написал человек, который: а) приехал в Мичиган; б) захал в их город и в) еще не умер. Этот последний пункт сделал меня редкостью в их программе обязательного чтения. Книгами пользовались. И пользовались много, судя по подчеркиваниям, загнутым уголкам страниц, потрепанным обложкам. Пара-тройка выглядели так, как будто по ним проехали трактором. От некоторых школьников я слышал примерно такие вариации на одну и ту же тему: «Когда в программе я увидел книгу про чтение, меня прямо заколбасило, а она, оказывается, крутая / совсем не плохая / прикольная». И говорили мне «спасибо». *Они* говорили мне «спасибо»! Я чуть не прослезился.

И после всего этого как же мне не быть благодарным???

ВВЕДЕНИЕ

Как он это делает?

– Мистер Линднер? Этот недотепа?

– Да-да, он самый. А как, по-вашему, должен выглядеть дьявол – рога, хвост и раздвоенные копыта? Тогда любой дурак сообразит, что с ним не надо иметь дело.

Это мы со студентами обсуждаем пьесу Лорейн Хэнсберри¹ «Изыюминка на солнце» (1959) – одну из лучших драм в истории американского театра. Недоуменные реплики прозвучали, когда я простодушно предположил, что один из ее героев, мистер Линднер, – дьявол-искуситель. По сюжету темнокожее семейство Янгер собирается купить дом в престижном белом районе Чикаго и вносит задаток. Местные не рады цветным соседям и сбрасываются, чтобы откупиться от них. Чек на сумму задатка вручают тихому, невзрачному, конфузливому мистеру Линднеру и отправляют его парламентаром. Поначалу Уолтер Ли Янгер (главный герой пьесы) твердо отказывается от предложения. Он ожидает крупной страховой выплаты за гибель отца и уверен в семейных финансах. Однако вскоре выясняется, что две трети страховки украдены. Предложение белых

¹ Хэнсберри Лорейн (1930–1965) – американская писательница и драматург.

соседей, так оскорбившее Уолтера, теперь кажется спасительным.

Договор с дьяволом — давно знакомый западной культуре сюжет; вспомним хотя бы легенду о докторе Фаусте. Во всех вариациях на эту тему герой получает нечто желанное: власть, тайное знание или, скажем, волшебный мяч, который обязательно влетит в ворота соперника. Взамен он должен отдать свою душу. Условия сделки одинаковы и в «Трагической истории доктора Фауста» — пьесе елизаветинца Кристофера Марло, и в «Фаусте» Гёте, и в рассказе Стивена Бене¹ «Дьявол и Дэниел Уэбстер», и даже в бродвейском мюзикле «Проклятые янки»².

Когда мистер Линднер предлагает Уолтеру Ли деньги, он вроде бы не требует взамен душу. Точнее, он сам не сознает, что требует именно душу. Уолтер получает шанс избежать финансовой катастрофы, которую невольно навлек на себя и родных. Надо лишь признать, что он не ровня белым соседям и его гордость, самоуважение, иначе говоря, саму его человеческую суть можно купить за деньги. Что это, как не продажа собственной души?

Правда, в пьесе у торга непривычная развязка: Уолтер Ли все-таки не поддается на соблазны. Этот сюжет имеет и трагические, и комические версии — в зависимости от того, забирает ли Сатана проданную душу. Герой Лорейн Хэнсберри мысленно принимает условия сделки, но вовремя спохватывается, осознает непомерность цены и отвергает предложение искусителя (то есть мистера Линднера). Поэтому, несмотря на сложные и порой мучительные перипетии, по своей структуре пьеса комична: ведь крах предотвращен, а Уолтер Ли побеждает не только дьявола-Линднера, но и демонов, поселившихся в его собственной душе. Персонаж становится героем во всех смыслах этого слова.

¹ Бене Стивен (1898–1943) — американский писатель-фантаст.

² Поставлен в 1950-х гг.

В моем общении со студентами всегда, рано или поздно, наступает специфический момент. Мы смотрим друг на друга, я молча вопрошаю: «Как, неужели непонятно?» У каждого из них на лице написано: «Нет, непонятно. Ну и накрутили же вы!» Диалог на время заходит в тупик. А дело вот в чем: все мы читали один и тот же текст, но пользовались разными инструментами для его анализа. Если вы бывали на семинарах по литературе – студентом ли, преподавателем ли, – вам это должно быть знакомо. Иногда кажется, что, анализируя тексты, лектор на ходу выдумывает интерпретации или проделывает нечто похожее на карточные фокусы.

На самом деле ни вольностей, ни махинаций здесь нет. Просто профессор – несколько более опытный читатель и за годы работы с текстами овладел своего рода «языком чтения», который еще только предстоит изучить его студентам. Этим термином я обозначаю набор приемов, структур, кодов и закономерностей, которые мы постепенно усваиваем и начинаем распознавать в художественных текстах. У всех языков есть грамматика, то есть свод правил, по которым строятся и наделяются смыслом высказывания. Язык литературы не исключение. Конечно, эти правила в известной степени условны, как и любой язык. Например, сам по себе набор букв и звуков «условный» и ничего не означает, но когда-то давно люди договорились понимать под ним то, что мы подразумеваем теперь. Причем это относится лишь к нашему языку (в японском или финском такое сочетание звуков будет просто абракадаброй). То же самое в искусстве: когда-то мы, европейцы, решили, что перспектива – система приемов, при помощи которых художники передают на холсте глубину пространства, – ценна и даже необходима в живописи. Это произошло в эпоху Возрождения, но в начале восемнадцатого века, когда состоялась встреча западного и восточного искусства, выяснилось, что японские художники и зрители прекрасно обходятся без линейной перспективы! Для них в изобразительном искусстве она была не так уж и важна.